

С.М.Кретов

«Индийский вопрос» в Перу

Исторический контекст и современное состояние межэтнического диалога

В статье анализируется роль индейского сообщества в процессах национально-государственного строительства в Перу. Автор утверждает, что концепция «метисации» составляет идеологическую основу перуанской этнической политики. Культурный аспект этой политики сыграл решающую роль в гармонизации этносоциальных отношений на протяжении последнего столетия. За счет этого удалось предотвратить радикализацию движения коренных народов в тяжелые времена внутреннего вооруженного конфликта, а также в эпоху администрации А.Фухимори.

Автор считает, что, несмотря на эти важные достижения, между государством и индейцами в Перу сохраняются серьезные противоречия. К их числу можно отнести диспропорции в социальном развитии коренных и некоренных слоев общества или конфликты из-за расширения добычи полезных ископаемых на территориях поселений коренных народов. Тем не менее, принимая во внимание политические реалии стран Латинской Америки (традиционное преобладание креольских элит, слабость демократических институтов, авторитарные тенденции в политическом управлении), Перу можно считать примером относительно успешной интеграции коренных народов в социальные и политические процессы, если сравнивать, к примеру, с Гватемалой, Мексикой или Эквадором.

Ключевые слова: индейцы, этническая политика, национально-государственное строительство, внутренний вооруженный конфликт, террористические организации, латифундисты.

DOI: 10.31857/S0044748X0011334-6

Статья поступила в редакцию 08.05.2020

Перу можно отнести к группе стран региона с так называемым сильным «индейским фактором», в которых сам факт проживания большого количества коренных народов оказывает заметное влияние на общественно-политические процессы*. Перед властями таких государств остро встала

Станислав Михайлович Кретов — соискатель степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, Проспект Вернадского, 76, kretovstas@gmail.com).

* Перу занимает третье место в латиноамериканском регионе по количеству проживающих в стране коренных народов — 5,9 млн человек после Мексики (21,2 млн человек) и Гватемалы (6,2 млн человек), а также их доле в структуре населения: 24,9% — Перу (3-е место), 42% — Боливия (2-е место), 43,7% — Гватемала (1-е место).

проблема интеграции индейского сегмента в общественную жизнь, и в каждом случае эта задача решалась по-разному. В отличие от большинства стран региона, где интеграция индейского населения осуществлялась преимущественно на основе жестких мер ассимиляционной политики (наступление на индейские общины, разрушение автохтонных традиций), перуанские власти избрали другой путь, нацеленный на расширение культурной автономии коренных народов и предполагающий существование различных практик диалога между индейцами и государством. Необходимо отметить, что на протяжении исторического развития Перу это многоаспектное взаимодействие развивалось неритмично — то продвигаясь вперед по одним направлениям, то отступая на других. Однако именно благодаря тому, что диалог стал стратегической линией в этнической политике, а «индейский вопрос» занимал серьезное место в политической повестке перуанских властей, сами индейцы не видели в лице государства постоянную угрозу, и уровень межэтнической напряженности в целом был относительно ниже, чем, к примеру, в Боливии до 2006 г. или в Мексике и Эквадоре в настоящее время.

Постараемся выделить основные этапы во взаимоотношениях между индейцами и государством в историческом контексте, выявить особенности стратегии включения коренного населения в социальные и политические процессы, ее концептуально-теоретическую базу, а также сильные и слабые стороны.

Проблематике этнических процессов в Перу посвящены публикации отечественных авторов [1, 2, 3]. В этих исследованиях уделяется внимание особенностям государственной политики по «индейскому вопросу». Тематика национально-государственного строительства и политического участия коренного населения затронута в работах зарубежных ученых [4, 5, 6]. Вместе с тем необходимо отметить, что в опубликованной литературе проанализированы отдельные аспекты участия индейцев в социально-политических процессах в латиноамериканской стране, однако целостная картина развития межэтнического диалога в историческом разрезе и на современном этапе не представлена. В данной статье будет предпринята попытка восполнить этот пробел.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В XX ВЕКЕ

В начале XX в. «индейский вопрос» в Перу вошел в повестку дня прежде всего в силу экономических факторов. С одной стороны, следствием индустриальной революции и роста промышленного производства стало увеличение спроса на рабочую силу. С другой — обострившаяся проблема малоземельности индейских крестьян (и, как следствие, низкая производительность труда) тормозила развитие экономики страны.

Все это обусловило возникновение в перуанском обществе в первой половине XX в. активной полемики по индейской проблематике. Так, известный перуанский философ и публицист Хосе Карлос Мариатеги предложил закрепить курс на осуществление «метисации» (от исп. *mestizaje* — смешение рас), согласно которой ключом к гармонизации этносоциальных отношений является культурное сближение. Оно понимается не как приобщение отсталого коренного населения к креольской культуре (идея «индеанистов»), а как сопряжение двух процессов — «креолизации» индейцев и «индеизации» креолов на основе создания общего социокультурного пространства этнического взаимодействия

при уважении самобытных черт этносов. За последнее столетие этнические процессы в Перу интерпретировались правящими кругами (с той или иной степенью популизма) через концепцию политики «метисации».

Перуанские власти не только не препятствовали развитию дискуссии, но и активно участвовали в ней, прислушивались к мнению общественности. В своей книге «Конкиста Перу перуанцами» (1959 г.) президент Фернандо Белаунде Терри (1963—1968 гг.)* дополнил практический аспект идеи «метисации», выдвинув идею конструирования перуанской нации на основе включения в общенациональную жизнь всех слоев общества** [7].

Стоит отметить, что рост популярности левых идей оказал серьезное влияние как на становление и развитие всего индийского движения, так и на государственную политику в отношении коренного населения в XX в. Социалистические рецепты решения проблемы безземелья крестьянства, нацеленные на относительно равное перераспределение ресурсов, находили живой отклик среди индийского населения. В свою очередь прогрессивная перуанская интеллигенция стремилась защищать индейцев в их конфликте с земельной олигархией***. Опасаясь роста популярности революционных идей среди индийского населения, перуанские правительства в последующие десятилетия приступили к выработке основ политики по решению «индийского вопроса». Ее составляющими стали меры по расширению культурной автономии коренных жителей, контроль над политической активностью коренных народов, а также разрешение противоречий вокруг земельной реформы. Практическое воплощение доктрины «метисации» — это меры, направленные на ограниченную демократизацию этнической политики (прежде всего в культурной сфере) с целью недопущения развития сепаратистских тенденций и возникновения открытого конфликта между коренными народами и государством. При этом подобные преобразования не должны были привести к утрате традиционными правящими элитами неиндийского происхождения своих лидирующих позиций на политической арене.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

В 1933 г. при правительстве Аугусто Легии (1919—1930) впервые за всю историю латиноамериканских стран был издан закон, закрепляющий

* Основатель центристской партии «Народное действие», которая была создана в 1956 г. как реформистская альтернатива в противовес консервативным силам и популистам из Американского народно-революционного альянса (*Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA*).

** Корни «Индийской самобытности» Перу, по мнению Ф.Белаунде Терри, восходят к истории доколумбовых цивилизаций, а экономические и социальные устои инкского общества являются наиболее естественными в условиях страны, так как они были выработаны и апробированы в течение многих веков. Поскольку благосостояние государства инков зиждилось на двух «китах» — общине и дорогах, автор предлагал уделить внимание именно этим аспектам социально-экономической политики.

*** В 20-е годы XX в. резкий рост экспорта сельскохозяйственной продукции из Перу (сахар, кофе, хлопок) обусловил наступление латифундистов на земли индийских крестьян, что до предела обострило отношения между коренными народами и государством. Индейцы выступили в защиту собственных угодий: в 20-60-е годы XX в. страну охватывали многочисленные акции по захвату земель крупных землевладельцев, в которых приняли участие сотни тысяч крестьян индийского происхождения.

за индейскими общинами их право на землю. Несмотря на всю свою важность, этот юридический принцип поначалу имел, скорее, декларативное значение. Попытки осуществления аграрной реформы, предпринятые в 1930—1960-е годы, предсказуемо натолкнулись на сопротивление латифундистов [1, с. 117]. Определенных успехов в этом вопросе удалось достичь только во времена левонационалистического военного режима (1968—1979). В 1969 г. было объявлено об упразднении латифундий, о создании полноценных кооперативов и о выделении дополнительного государственного финансирования для всего аграрного комплекса [8, с. 139].

Реформа носила ограниченный характер: в пользу малоимущих аграриев было распределено всего 10-15% всех помещичьих земель в стране [4, сс. 148-149]. Более того, впоследствии под давлением крупных помещиков перераспределение земельных ресурсов в пользу малоимущих индейских крестьян было ограничено не столь пригодным для земледелия амазонским регионом. Тем не менее в 1980—2000-х годах в соответствии со специальным законом уголья амазонских индейцев были расширены более чем на 10 млн га [9]. Но при этом в сьерре и на косте, где проживает основная масса индейского населения страны, проблема земельного голода так и не была решена. Двойственный характер аграрных преобразований привел к ощутимым изменениям в жизни индейского населения всей страны. Урегулирование земельного вопроса в Амазонии нанесло удар по позициям земельной олигархии, а контроль над региональными политическими процессами отошел к низовым индейским общественным организациям. В сьерре и на косте крупные земельные помещики сохранили тотальный политический контроль. Впоследствии такая ситуация обусловила рассинхронизацию траекторий развития перуанских индейских организаций, что, в свою очередь, стало одним из главных факторов, препятствовавших консолидации социально-политического фронта коренных народов.

КОНТРОЛЬ НАД ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТЬЮ ИНДЕЙЦЕВ

В целях предотвращения роста популярности левых политических сил, прежде всего компартии, которая в 1930—1960-е годы активно рекрутировала индейских активистов в профсоюзные организации, выступавшие за скорейшее осуществление аграрных преобразований, перуанские власти приняли решение активизировать борьбу за индейский электорат. Под патронажем одной из крупнейших политических партий страны — Американского народно-революционного альянса (*Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA*) — в 1947 г. были основаны Национальная федерация работников сельского хозяйства (*Federación Nacional de Campesinos del Perú, FENCAP*) и Перуанская крестьянская конфедерация (*Confederación Campesina del Perú, CCP*). Правительства страны предпринимали попытки использовать эти профсоюзы для осуществления контроля над политической активностью коренных народов, одновременно предлагая недовольному индейскому крестьянству площадку для диалога по насущным проблемам (ранее такая форма сотрудничества не предполагалась, а любые переговоры по вопросам жизнедеятельности индейцев шли через представителей земельной олигархии, обладавших тотальным политическим контролем на местах).

При президенте Хосе Луисе Бустаманте-и-Риверо (1945—1948) возник феномен контролируемой политической мобилизации коренных народов. Глава государства лично принимал участие в специальных митингах и собраниях с участием представителей коренного населения, на которых индейцы получили возможность напрямую донести свое мнение по острым проблемам до высшего руководства страны [4, с. 147]. Впоследствии такие формы взаимодействия практиковались во времена левонационалистического военного режима генерала Хуана Франсиско Веласко Альварадо (1968—1975) с помощью специализированного государственного органа — Национальной системы поддержки социальной мобилизации (*Sistema Nacional de Apoyo a la Movilización Social, SINAMOS*).

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

В отличие от боливийских и эквадорских властей эпохи 1930—1960-х годов XX в., которые осуществляли проекты национально-государственного строительства путем наступления на индейскую самобытность, интеграцию коренных жителей в социальные процессы на основе креольского культурно-цивилизационного кода, перуанские правительства принимали решение инкорпорировать элементы культуры коренных народов в повседневную жизнь всего общества*. Для смягчения межэтнических противоречий было решено ограничить использование в общественно-политическом дискурсе слова *indio* (индеец, имело пренебрежительный оттенок), заменив его на *campesino* (крестьянин). Коренным народам было официально разрешено появляться в публичных местах в традиционных одеждах, государство организовывало фольклорные фестивали для продвижения культуры доколумбовых цивилизаций [10, с. 324]. Благодаря деятельности созданного в 1940-е годы Летнего лингвистического института, который стал заниматься углублением знаний о языках индейских народов и осуществлением образовательных инициатив на испанском языке, неграмотность среди перуанских индейцев постепенно снижалась [8, с. 147].

На основе достижений в культурном просветительстве был сделан революционный шаг в этнической политике. В 1972 г. был одобрен Национальный план по обеспечению образования на родных языках для индейского населения. Впервые в истории языки двух самых крупных индейских этносов — кечуа и аймара — были включены в программы школьных учреждений [8, с. 140].

«ИНДЕЙСКИЙ ВОПРОС» В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

На рубеже 1970—1980-х годов XX в. в Перу происходил процесс транзита от авторитаризма к демократическому правлению. В 1979 г. была при-

* По мнению авторитетного отечественного антрополога-латиноамериканиста Т.В.Гончаровой, государство таким образом проявило готовность порвать с либеральной трактовкой проблемы индейской общины (господствовала, к примеру, в Боливии и Эквадоре), в соответствии с которой индейские институты признавались архаичными и подлежащими упразднению в целях обеспечения полноценного социально-экономического развития страны.

нята новая Конституция, которая закрепила курс на дальнейшее расширение прав коренного населения. За языками кечуа и аймара был закреплён статус государственных, упразднены ценз грамотности, благодаря чему абсолютно все совершеннолетние индейские граждане получили право участвовать в голосовании. Отдельно стоит отметить положение о неотчуждаемости земель индейских общин [11]. Основной закон был составлен в духе политического плюрализма: были сняты формальные ограничения на деятельность различных политических сил. Сохранение негласных ограничений (уже упомянутого тотального контроля земельной олигархией над политическими процессами в косте и сьерре) привело к тому, что юридически были оформлены лишь индейские организации амазонского региона — Межэтническая ассоциация развития перуанской сельвы (*Asociación Interétnica de Desarrollo de la Selva Peruana, AIDSEP*) и Перуанская конфедерация национальностей Амазонского региона (*Confederación de Nacionalidades Amazónicas del Perú, CONAP*).

Вместе с тем демократизация общественно-политической жизни в Перу сопровождалась ростом активности террористических группировок. Сохранение структурных проблем в перуанском обществе — нерешенный аграрный вопрос, социальное расслоение, отсутствие доступа к социальной инфраструктуре в отдаленных регионах — стало причиной распространения радикализма. В свою очередь репрессии в отношении Перуанской коммунистической партии (*Partido Comunista Peruano, PCP*) во времена военных правительств привели к выдвижению на лидирующие позиции на левом фланге, сохранявшем популярность среди бедных слоев населения, наиболее воинствующих элементов. В 1970 г. они основали террористическую организацию Коммунистическая партия Перу—Сияющий путь (*Partido Comunista del Perú—Sendero Luminoso**), а в 1984 г. была создана другая радикальная группировка — Революционное движение имени Тупака Амару (*Movimiento Revolucionario Túpac Amaru, MRTA*) [4, с. 151].

SL и *MRTA* стремились использовать в своих политических интересах существующее среди как всего перуанского крестьянства, так и индейской его части, недовольство аграрной политикой властей. Однако считать эти экстремистские структуры индейскими ошибочно. Лишь наиболее радикальная часть коренных народов вступила в их ряды (прежде всего потому, что индейцам были близки аграрные лозунги ультралевых). При этом большинство членов указанных группировок были неиндейского происхождения. Практически сразу между террористами и поддерживавшими их индейцами стали проявляться противоречия. В своей политической программе *SL* не признавала культурного разнообразия перуанской нации, а лидер сендеристов Абимаэль Гусман считал индейцев и их культуру отсталыми и подлежащими искоренению и растворению в «революционном фронте» [4, с. 151], [12]. Впоследствии *SL* и вовсе объявила о начале «тотальной войны» против коренных народов, которые искали помощи и защиты у перуанских властей [13, сс. 84-117]. Радикалы стали учинять этнические чистки, вырезая целые индейские общины [14]. В результате именно коренное население оказалось наиболее пострадавшим от дея-

* Более известная как *Sendero Luminoso (SL)*.

тельности террористов: 75% из 70 тыс. погибших в годы конфликта были индейцами [27, сс. 253-366].

В условиях активизации ультралевых с их террористическими методами борьбы перуанские демократические правительства 1980-х годов осуществляли политику, нацеленную на предотвращение распространения радикализма среди коренных народов. Воспользовавшись началом массовых индейских восстаний против *SL*, власти предоставили официальный статус дружинников сформированным индейским отрядам самообороны, которые наряду с силами правопорядка противодействовали вылазкам террористов [8, с. 145].

В контексте необходимости предотвращения распространения центробежных тенденций огромное значение имела культурная политика. Государство стремилось обеспечивать социальную инклюзивность индейцев через мультиязычное образование и расширение присутствия индейской культуры в жизни общества, считая это залогом сохранения единства этнически разнородной страны. Начавшаяся в 1980-е годы массовая миграция коренного населения в основные экономические центры Перу способствовала дальнейшему стиранию межсегментарных границ между потомками европейских переселенцев и доколумбовых цивилизаций*, что также укрепляло единство государства.

Дополнительным значимым фактором сглаживания противоречий между индейцами и государством стало решение правительства Алана Гарсии (1985—1990) об организации консультаций с коренными этносами, в которых приняли участие представители различных министерств и ведомств**. Стоит отметить, что такие формы диалога сохранились и в будущем, в том числе при Альберто Фухимори (1990—2000) [8, с. 147].

ЭПОХА АЛЬБЕРТО ФУХИМОРИ

В 1990 г. к власти в Перу пришел А.Фухимори. Наиболее консервативно настроенная часть перуанских элит, интересы которых представлял новый перуанский президент, стремилась скорректировать основные направления этнической политики в своих интересах. В 1993 г. была принята новая Конституция, зафиксировавшая линию на осуществление неолиберальных преобразований в экономике и социальной сфере. Новый Основной закон хоть и подтвердил право индейских общин на автономию и самоуправление, однако из документа исчезло важнейшее положение о неотчуждаемости индейских общинных земель [15], что значительно ограничивало реализацию вышеупомянутого права на автономию. Теперь государство фактически узаконило экспроприацию индейской земельной собственности,

* В частности, за последние 30-40 лет в Перу увеличилось количество браков между лицами, принадлежащими к различным этническим группам (как между метисной и индейской частью общества, так и между представителями различных индейских народностей).

** Консультации получили название *rimanakuys* (с языка кечуа — «давайте обсудим!»). Несмотря на то, что достигнутые на них договорённости не стали основой для реализации практических мер, сама попытка найти консенсус по основным социальным проблемам, напрямую затрагивавшим коренное население, была знаковой и стала своего рода сигналом о том, что правительство готово прислушиваться к мнению индейских граждан и предоставлять им помощь даже в условиях внутриполитической нестабильности.

что в условиях бума неоекстрактивизма* стало причиной возникновения большого числа территориальных конфликтов.

Изначально проявившаяся близость позиций индейцев и радикалов по аграрной проблематике стала предлогом для того, чтобы правительство Фухимори начало реализацию самых жестких мер по подавлению протестной активности среди коренного населения, в том числе с помощью военизированных группировок**. В этом контексте на руку президенту сыграл захват членами *MRTA* заложников в японском посольстве в Лиме. Сторонники Фухимори стремились приравнять индейцев к террористам в глазах общественности. Более того, они придерживались явно расистских концепций этнической политики, рассматривая «отсталость» индейского населения как проблему, препятствующую развитию всего перуанского общества. Реинкарнацией этих идей в практической политике стала санкционированная президентом кампания по насильственной стерилизации женщин кечуа в нескольких регионах страны*** [16], [17].

Президентство Фухимори прошло под знаком усиления позиций центрального правительства [18, сс. 19-48]. В 1995 г. были внесены изменения в избирательное законодательство. Так, количество подписей, необходимое для регистрации политических организаций на всеобщих выборах, было увеличено со 100 тыс. (согласно закону от 1979 г.) до 480 тыс., которые необходимо было получить минимум в 50% департаментов [19, сс. 18-29]. Эта мера усилила позиции традиционных общенациональных объединений и стала одним из главных препятствий на пути создания единой индейской политической партии [4, с. 163].

В целом время нахождения у власти Фухимори стало своего рода «откатом» в стратегии включения коренных народов в общественные процессы. Предпринятые в этот период законодательные инициативы сохранились и после отставки одиозного перуанского лидера и впоследствии оказывали влияние на характер межэтнического диалога.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Первые десятилетия XXI в. стали противоречивым периодом во взаимоотношениях индейцев и государства. С одной стороны, перуанские власти

* Неоекстрактивизм — укоренившаяся в экономической политике латиноамериканских государств за последние десятилетия идея развития, основанная на тотальной эксплуатации природных ресурсов в условиях роста спроса на полезные ископаемые на мировых рынках в 1990—2000-е годы.

** Были созданы перуанской военной разведкой на рубеже 1980—1990-х годов для противодействия *SL*. Наибольшую известность получила «Группа Колина» (*Grupo Colina*). Приближенные Фухимори убедили его сделать ставку на эти организации для нанесения решающего удара по повстанцам. Впоследствии Фухимори отвергал любые связи с «эскадронами смерти», однако в 2007 г. был приговорён к 25-летнему судебному сроку за организацию деятельности незаконных вооружённых формирований.

*** В 1996—2000 гг. в обмен на предоставление базовых продуктов питания и денежных пособий, а также под давлением и с применением угроз были стерилизованы порядка 230 тыс. женщин. Интересно, что по этому преступлению против человечности, которое получило повсеместное осуждение со стороны правозащитных организаций, Фухимори был впоследствии оправдан.

предпринимали меры по дальнейшему расширению культурной автономии и увеличению политического представительства индейского населения (прежде всего на региональном уровне). С другой, — резко обострились конфликты по вопросу о добыче полезных ископаемых на исконных территориях индейских общин. Кроме того, заложенный в фухимористской Конституции курс на осуществление неолиберальных реформ не способствовал снижению диспропорций в социально-экономическом развитии между индейской и неиндейской частью перуанского общества.

Социально-экономическое положение индейского населения. В Основном законе закреплена концепция снижения роли государства в экономике и его ответственности в социальной сфере. Благодаря реализации неолиберальных реформ в 1990—2000-х годах. Перу превратилась в один из самых открытых рынков в Латинской Америке с минимальными ограничениями на все виды операций для иностранного капитала. Удалось добиться стабильного макроэкономического положения страны: ВВП Перу в 2000-е годы почти удвоился за десятилетие (в среднем рост составил 6,6%), ВВП на душу населения вырос на 60%, приток иностранных инвестиций увеличился почти в 10 раз, инфляция находилась в пределах 2-3% [3, с. 27]. Причиной успехов стал экспортный бум, возникший за счет высокого спроса на минеральное сырье на мировом рынке.

Однако такая модель развития содержала в себе ряд недостатков. Фактический уход государства из социальной политики не способствовал улучшению положения наиболее неблагополучных слоев населения, прежде всего, коренных народов. Индейцы продолжали страдать от недостаточного доступа к социальной инфраструктуре, сохранялась проблема крайней бедности. Так, по данным Всемирного банка в Перу, как и во многих других странах региона, процент бедных граждан индейского происхождения в среднем в два раза выше по сравнению с креольско-метисной частью населения [20]. По экспертным оценкам 50% индейских детей в амазонских департаментах Перу страдают от недоедания, хронические болезни (ВИЧ и гепатит) распространены в индейских общинах в десять раз больше, чем в среднем по стране [21].

Территориально-экологические конфликты. Первые противоречия между индейцами и государством в горнорудной сфере проявились на рубеже 1990—2000-х годов. Отсутствие в перуанском законодательстве нормы, запрещающей отчуждать земли общин коренных народов, развязывало руки правительствам, которые выдавали все новые разрешения на эксплуатацию недр Амазонии. Расширилась зона активности горнодобывающих компаний на территориях традиционного проживания индейцев — с 4 млн га в 1992 г. до почти 30 млн га в начале 2000-х годов [4, с. 153].

«Точки кипения» ситуация достигла в 2006 г., когда вступил в силу договор о свободной торговле между Перу и США. Для его ратификации перуанские власти должны были принять серию декретов, которые снимали ограничения на добычу нефти и других полезных ископаемых, на вырубку леса и ведение сельского хозяйства в сельве. Это вызвало крайнее возмущение со стороны индейских общин, которые выступили против коммер-

ческого использования принадлежащих им земель [22]. В 2008—2009 гг. под началом крупнейшей индейской организации — *AIDSEP* — в стране прошли несколько десятков массовых акций протеста, которые переросли в беспорядки. В ответ силы правопорядка стали принудительно выселять индейцев, что привело к столкновениям, многие из которых заканчивались кровопролитием [23]. Одним из самых трагических событий стали произошедшие в июне 2009 г. столкновения митингующих с полицией близ г. Багуа (департамент Амасонас), в результате которых погибли несколько десятков индейских активистов и полицейских, более 150 человек были ранены. Всего в 2006—2011 гг. число конфликтов между индейцами и государством из-за непримиримых разногласий вокруг вопроса об эксплуатации природных ресурсов выросло до 200, а количество индейцев, погибших в стычках с правоохранительными органами, стало исчисляться сотнями [24].

В 2011 г. при президенте Ольянте Умале (2011—2016) был принят Закон о предварительных консультациях, согласно которому урегулирование спорных вопросов (концессии на разработку нефти, газа, руды, а также строительство инфраструктурных объектов) должно осуществляться путем достижения компромисса на переговорах между представителями государства и индейских общин. По результатам обмена мнениями власти принимают решение о целесообразности реализации таких проектов. В случае, если компромисс не будет достигнут, государство в одностороннем порядке принимает такое решение, которое «не ставит под угрозу право коренных народов на жизнь, неприкосновенность, сохранность их собственности» [25].

За 2011—2017 гг. были организованы 38 подобных консультаций, 4 из которых носили общенациональный характер. Законодательная мера позволила снизить напряженность между индейскими общинами и властями. Теперь индейцы получали институциональную возможность выразить собственное мнение и быть услышанными в вопросах, напрямую касающихся их жизнедеятельности. Кроме того, усилился контроль со стороны государства за деятельностью добывающих компаний, была произведена корректировка ряда крупномасштабных проектов в интересах индейского населения [26].

В то же время стоит отметить, что диалог налаживался с трудом. Процесс консультаций нередко сопровождается прямым давлением на общинников со стороны властей, манипулированием со стороны профильных госорганов статистическими данными относительно масштабов вреда, который может быть нанесен жителям и окружающей среде (как правило, масштаб вреда занижается). Расширение добывающего производства отвечает интересам крупного бизнеса — как местных компаний, так и транснациональных корпораций, которые активизировали свою лоббистскую деятельность в органах власти. Более того, крупный капитал идет на использование коррупционных схем в целях получения концессий в обход длительных и сложных бюрократических процедур. Всесилие бюрократического аппарата, отсутствие систем эффективного контроля деятельности чиновников и механизмов их отчетности создают благоприятные условия для сомнительных сделок наподобие тех, что осуществляла ком-

пания *Odebrecht**. В результате, перуанские правительства продолжают санкционировать расширение деятельности экономических агентов (в настоящее время около 70% земель индейских общин отданы под разного рода концессии) [27].

«Культурный срез» этнической политики. В 2000-е годы новый импульс получило мультиязычное образование. Через министерства образования и культуры государство содействовало расширению этой программы: если, к примеру, в 1998 г. в стране существовало несколько сотен специализированных учебных заведений, в которых проходили обучение 70 тыс. человек, то в 2007 г. их число составило 3,8 тыс. (367 тыс. человек) [28], а в 2018 г. — 26,8 тыс. (более 1,2 млн человек) [29]. Согласно принятому в 2003 г. новому Закону об образовании формально практика обучения на индейских языках распространялась на всю образовательную систему страны [30, сс. 253-266]. Ряд вузов приступили к разработке курсов на языках коренных народов. В 2005 г. образовательную лицензию получил Национальный межкультурный университет Амазонии — в настоящее время одно из крупнейших учебных заведений Перу с наибольшим процентом студентов индейского происхождения [31]. Такая система обучения в Перу способствует работе вертикальных социальных лифтов. Получение более качественного образования, да еще и на родном языке, дает шанс молодым поколениям индейцев продвинуться по лестнице социальной стратификации, не отказываясь от собственной идентичности.

Кроме того, государство поощряло развитие отдельных прикладных элементов индейской культуры. В этом контексте показательно создание в 2002 г. при министерстве здравоохранения Национального института традиционной медицины (*Instituto Nacional de Medicina Tradicional*), переименованного в 2004 г. в Национальный центр межкультурного здравоохранения (*Centro Nacional de Salud Intercultural, CENSI*). В последующие годы *CENSI* совместно с *AIDSESP* реализовали программу по профессиональной подготовке специалистов в области образования. Как следствие — в труднодоступных районах, где проживают коренные народы, увеличилось количество медицинских работников, расширился доступ к здравоохранению, повысилось качество обслуживания [32].

Благодаря реализуемым мерам в этнической политике усиливалось взаимное проникновение культур. Этот феномен можно проиллюстрировать данными нескольких последних переписей населения. В качестве критерия определения этнической принадлежности в Перу до 2017 г. был взят родной язык. Руководствуясь этим способом идентификации, индейское население в Перу за последние 25 лет уменьшилось с 19,6% (в 1993 г.) до 15,8% (в 2017 г.) [33], [34]. С другой стороны, в переписи 2017 г. этот критерий был дополнен вопросом об этническом самоопределении, согласно которо-

* Крупнейший коррупционный скандал в регионе за последние десятилетия (так называемое дело автомойки, связанное с бразильской *Odebrecht*), напрямую затронул и Перу. Следствием было установлено, что в коррупционные схемы (торговля лояльностью, взяточничество, превышение должностных полномочий) были вовлечены чиновники самого высокого ранга, включая четырех предыдущих президентов страны — П.П.Кучиньски, А.Гарсию, О.Умалу и А.Толедо.

му к представителям коренного населения отнесли себя почти четверть перуанцев — 24,9% [35]. Такая разница в оценке количества индейских граждан может объясняться стиранием границ этнической идентификации: все большее число индейцев с рождения являются билингвами, а перуанцы индейского происхождения, которые говорят только на испанском языке, продолжают ассоциировать себя с представителями коренных этносов. Это весьма интересный факт, который может свидетельствовать о том, что этническая политика в Перу является более демократичной по сравнению с аналогичной политикой, проводимой во многих других латиноамериканских государствах (например, с Мексикой), где в ходе опросов общественного мнения и переписей населения индейцы, как правило, очень неохотно признают себя таковыми. В Перу же представители коренных народов не скрывают своего этнического происхождения.

Далеко не последнюю роль в воспитании более толерантного отношения к представителям коренных народов играет закрепление культурной компоненты в политической жизни и дискурсе перуанского общества. Феномен «этнопопулизма» и ранее был представлен на политической арене* [8, с. 142], однако в последние несколько десятилетий он приобрел совершенно новую окраску. В 2000-е годы впервые в истории страны к власти пришли президенты индейского происхождения — Алехандро Толедо (2001—2006) и упоминавшийся выше О.Умала, которые активно апеллировали к индейской проблематике в целом и к своим корням, в частности [36]. Подобных примеров — сотни: индейские символы были инкорпорированы в агитационные материалы, использовались кандидатами совершенно разных политических сил.

Перуанские правительства последних двух десятилетий проводят достаточно эффективную политику обеспечения политического представительства индейского населения. С одной стороны, консервативные элиты стремятся предотвратить появление единого индейского общественно-политического фронта, так как опасаются, что организация подобного масштаба может дестабилизировать их доминантное положение на политической арене. Для выполнения этой цели было решено использовать как тактические (реформа электорального законодательства 1995 г.), так и стратегические меры (расширение культурной автономии коренных народов). Следствием результативности этнокультурной политики стало то, что индейские организации были лишены оснований для апеллирования к необходимости защиты собственных культурных черт [5, с. 110-112]. Для сравнения: на примере Боливии можно увидеть, что культурная проблематика (страх утраты собственной идентичности в результате действий государства) сыграла определяющую роль в формировании идеологического базиса индейского политического движения и его консолидации.

* Х.Ф.Веласко Альварадо использовал культурный компонент для дополнительной легитимации военного режима. Программа экономического развития страны получила название «План Инка»; символ индейского сопротивления европейским завоевателям — Тупак Амару — был провозглашён национальным героем, а портрет испанского конкистадора и покорителя андских индейцев Франсиско Писарро был публично вынесен из президентского дворца.

Кроме того, крайняя разобщенность различных индейских этносов весьма выгодна перуанскому истеблишменту. Неспособность коренных народов Амазонии, сьерры и косты, имеющих, порой, очень разные интересы, выработать единую позицию по основным социально-экономическим вопросам, вкупе с «местечковым» менталитетом, присущим крестьянским жителям (к которым относится значительная часть индейцев), затрудняют формирование единой общественно-политической организации.

С другой стороны, перуанские власти осознавали необходимость удовлетворения запроса со стороны индейского населения на полноценное участие в политической жизни страны. Более того, либерализация системы политического представительства была в духе тренда на демократизацию общественно-политической сферы, сформированного в латиноамериканском регионе в 80—90-е годы XX в. Наконец, стимулирование легального функционирования индейских организаций на местах преследовало сразу две цели: снизить интенсивность региональных политических конфликтов между местными властями и популярными (индейскими) общественными организациями, не допущенными к процессам управления; установить контроль над индейской политической активностью (за счет возможности играть на противоречиях и естественной конкуренции между политическими объединениями коренных народов и даже срабатывать их). Самыми крупными индейскими общественно-политическими объединениями на современном этапе стали политическое крыло Межэтнической ассоциации развития перуанской сельвы — Межкультурное движение перуанской Амазонии (*Movimiento Intercultural de la Amazonía Peruana, MIAP*), Альянс для альтернативы человечеству (*Alianza para la Alternativa de la Humanidad, APHU*), Электоральный альянс народного фронта Льяпанчик (*Alianza Electoral Frente Popular Llapanchik*) и Независимое движение Катун Тарпуй (*Movimiento Independiente Qatun Tarpuy*).

В 2002 г. был дан старт процессу региональной децентрализации. Расширялись административные компетенции местных властей, а состав всех без исключения региональных законодательных и исполнительных органов теперь избирался в ходе прямого голосования [37]. Решение правительства А.Толедо привело к росту количества региональных политических организаций, представляющих интересы коренных народов (с пяти в 1995 г. до нескольких десятков в 2000-е годы) [5, с. 109]. В 2002 г. правительство Перу установило квоту на представительство коренных народов на выборах в региональные и муниципальные органы в размере 15% от общего количества кандидатов [38, с. 9-11]. Полноценный эффект от этого нововведения можно оценить по избирательным кампаниям 2006, 2010, 2014 и 2018 гг. (см. таблицу ниже).

Представленные данные свидетельствуют о том, что количество кандидатов-индейцев в законодательные органы департаментов и муниципалитетов в 2006—2018 гг. выросло более чем в пять раз, число избранных представителей также увеличилось, хотя и неравномерно (в случае региональных парламентов — почти в два раза, в законодательных собраниях муниципалитетов — сразу в девять раз). При этом показательно, что с 2002 г. ни один кандидат-индеец не был избран на пост губернатора департамента или главы муниципалитета.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНДЕЙСКИХ КАНДИДАТОВ
НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В 2006—2018 гг.**

	2006 г.	2010 г.	2014 г.	2018 г.
Количество департаментов, где применяется «индейская квота»	11	13	18	21
Общее количество кандидатов в члены парламентов департаментов	2009	1975	1911	2278
Количество кандидатов-индейцев в члены парламентов департаментов + процент от общего количества	155 (7,7%)	258 (13%)	471 (24,6%)	914 (40,1%)
Общее количество избранных депутатов парламентов департаментов	228	252	274	328
Количество избранных индейцев в парламенты департаментов и муниципалитетов + процент от общего количества	16 (7%)	14 (5,5%)	16 (5,8%)	34 (10,3%)
Количество муниципалитетов, где применяется «индейская квота»	29	30	92	177
Общее количество кандидатов в члены парламентов муниципалитетов	10075	10423	12692	11931
Количество кандидатов-индейцев в члены парламентов муниципалитетов + процент от общего количества	450 (4,4%)	482 (4,6%)	1572 (12,3%)	2616 (21,9%)
Общее количество избранных депутатов парламентов муниципалитетов	1717	1700	1751	1676
Количество избранных индейцев в члены парламентов муниципалитетов + процент от общего количества	21 (1,2%)	34 (2%)	116 (6,6%)	188 (11,2%)

Составлено автором на основе данных Национальной избирательной комиссии Перу.
Available at: <https://portal.jne.gob.pe/portal/Pagina/Ver/353/page/Estadistica-Electoral>

Это стало следствием работы Национального управления избирательных процессов (*Oficina Nacional de Procesos Electorales, ONPE*), распространившим электоральную инфраструктуру на труднодоступные районы страны, а также увеличения количества регионов, где применяется «индейская квота». Одновременно в последние 15 лет в Перу наблюдается рост политического плюрализма, имеющий яркую региональную окраску (к примеру, в местных выборах 2014 г. приняло участие рекордное за всю историю страны количество политических сил — 16 национальных партий и около 150 общественно-политических объединений) [39]. Активизация политической борьбы на местах объективно способствует демократизации самого избирательного процесса, снятию неформальных барьеров для голосования и избранию индейских кандидатов.

А вот на уровне национального парламента политическое представительство коренных народов Перу за последние несколько электоральных циклов было ничтожным: в 2001—2006 гг. — 2 депутата из 120 (1,6%), в 2006—2011 гг. — 3 из 120 (2,5%), в 2011—2016 гг. — 2 из 130 (1,5%), в

2016—2019 гг. — 1 из 130 (0,7%) [35, с. 20]. Однако в июле 2019 г. левоцентристские парламентские коалиции «Широкий фронт за справедливость, жизнь и свободу» (*Frente Amplio por Justicia, Vida y Libertad*) и «Новый Перу» (*Nuevo Perú*) представили законопроект о введении квот на представительство коренных народов в Национальном конгрессе. Предполагается создание единого индейского избирательного округа, от которого будут избираться 32 депутата (их пропорция по отношению к общему числу парламентариев эквивалентна пропорции индейского населения страны — 24,9%) по специальным квотам между различными департаментами в зависимости от количества избирателей-индейцев [40].

Есть весомые основания полагать, что предлагаемые изменения, которые носят почти революционный характер, не встретят одобрения консервативных политических сил. Тем не менее, компромисс в деле расширения политического представительства коренных народов в национальном парламенте может быть достигнут либо через создание специальных индейских избирательных округов меньшего масштаба (по примеру Колумбии), либо путем расширения «индейской квоты». Кроме того, нынешний, переходный, конгресс*, по всей видимости, отложит обсуждение этих нововведений до 2021 г., когда состоятся всеобщие выборы, и состав законодательного органа будет определен на стандартный пятилетний срок.

В заключение подчеркнем, что теоретической основой государственной политики в отношении индейцев в Перу стала концепция «метисации». Основанная на этой идее культурная политика перуанских властей была результативной и сыграла определяющую роль в гармонизации этносоциальных отношений. Накопленный за XX в. богатый и успешный опыт взаимодействия между коренными народами и государством стал залогом сохранения стратегического направления этнической политики, подвергшейся испытаниям в годы внутреннего вооруженного конфликта и правления А.Фухимори. Благодаря этому удалось предотвратить радикализацию индейского движения и рост межэтнической напряженности.

Между коренными народами и государством сохраняются острые противоречия (касающиеся, прежде всего, разработки полезных ископаемых на исконных индейских землях), не преодолены диспропорции в социальном развитии индейской и неиндейской частей общества. Тем не менее, принимая во внимание реалии латиноамериканских стран (традиционное доминирование неиндейских элит, слабость демократических институтов, авторитарные тенденции в политическом управлении), Перу может служить относительно успешным (в сравнении с Гватемалой, Мексикой или Эквадором) примером интеграции коренных народов в социальные и политические процессы.

* В сентябре 2019 г. президент Мартин Вискаarra (2018 — н/в) принял решение распустить парламент из-за противоречий между законодательной и исполнительной ветвями власти в отношении назначения состава Конституционного суда. Было принято решение провести выборы в конгресс в марте 2020 г., сформировать его состав и ограничить временные рамки его функционирования периодом легислатуры предыдущего состава парламента (до 2021 г.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гончарова Т. В. Индеанизм: идеология и политика. Боливия, Перу, Эквадор 50-60 гг. XX века. М., 1979, 201 с. [Goncharova T. V. Indeanizm: ideologiya i politika. Boliviya, Peru, Ekvador 50-60 gg. XX veka [Indianism: ideology and politics. Bolivia, Peru, Ecuador in the 50-60s of the XXth century]. Moscow, 1979, 201 p. (In Russ.).]
2. Ракуц Н. В. Индейский вопрос в Перу. Индейский мир перед вызовами XX века. Сборник статей. М.: ИЛА РАН, 2011, с. 73-106 [Rakuts N. V. Indeiskii vopros v Peru. Indeiskii mir perez vyzovami XX veka. Sbornik statei [The Indigenous matter in Peru. The Indigenous world before the XXth century's challenges]. Moscow, ILA RAN, 2011, pp. 73-106] (In Russ.).]
3. Перу: поиск новых ориентиров на исходе экономического чуда. М.: ИЛА РАН, 2014, серия «Саммит», 117 с. [Peru: poisk novykh orientirov na iskhode ekonomicheskogo chuda [Peru: seeking new points of reference at the end of the economic miracle]. Moscow, ILA RAN, 2014, seriya «Sammit», 117 p. (In Russ.).]
4. Van Cott D. L. From Movements to Parties in Latin America. Cambridge University Press, 2010. 302 p. (DOI: 10.2307/20031876).
5. Madrid R. The Rise of Ethnic Politics in Latin America. Cambridge University Press, 2012. 239 p. (DOI: 10.1017/CBO9781139022590).
6. Multiculturalism in Latin America. Indigenous Rights, Diversity and Democracy. Edited by Sieder R. Institute of Latin American Studies. Palgrave Macmillan, New York, 2002, 297 p. (DOI: 10.1057/9781403937827).
7. Belaúnde Terry F. La conquista del Perú por los peruanos. Ediciones Tawantinsuyu, Lima, 1959, 175 p.
8. Políticas públicas para los pueblos indígenas en América Latina. Los casos de México, Guatemala, Ecuador, Perú y Bolivia. Fundación Konrad Adenauer. Programa Regional Participación Política Indígena. Primera edición, 2007, 240 p.
9. Chirif A. The author and his work. En: Witness of Sovereignty. Essays on the Indian Movement in Latin America. Ed. by Varese S. IWGIA, 2006, pp. 14-23.
10. De la Cadena, Marisol. 2000. Indigenous Mestizos: The Politics of Race and Culture in Cuzco, Peru, 1919–1991. Durham, NC: Duke University, 2000. 408 p.
11. Constitución para la República del Perú. 12 de Julio de 1979. Congreso de la República del Perú. Available at: <http://www4.congreso.gob.pe/comisiones/1999/simplificacion/const/1979.htm> (accessed 13.04.2020).
12. Sendero Luminoso, narcoterrorismo y seguridad en el Perú. *Seguridad Internacional*, 03/10/2016. Available at: <http://www.seguridadinternacional.es/?q=es/content/sendero-luminoso-narcoterrorismo-y-seguridad-en-el-per%C3%BA> (accessed 13.04.2020).
13. Mallon F. E. Chronicle of a Path Foretold? Velasco's Revolution, Vanguardia Revolucionaria, and 'Shining Omens' in the Indigenous Communities of Andahuaylas." In Steve J. Stern, ed. *Shining and Other Paths. War and society in Peru, 1980–1995*. Durham, Duke University Press, pp. 84–117.
14. Juzgarán por genocidio contra indígenas peruanos a los líderes del grupo terrorista Sendero Luminoso. Libertad Digital, 30/09/2005. Available at: <https://www.libertaddigital.com/mundo/juzgaran-por-genocidio-contra-indigenas-peruanos-a-los-lideres-del-grupo-terrorista-sendero-luminoso-1276261949/> (accessed 13.04.2020).
15. Constitución política del Perú. Georgetown University. Available at: <http://pdpa.georgetown.edu/Parties/Peru/Leyes/constitucion.pdf> (accessed 13.04.2020).
16. Mass sterilisation scandal shocks Peru. *BBC News world edition*, 24/07/2002. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/2148793.stm> (accessed 13.04.2020).
17. Перу: стерилизацию бедняков в 90-х признали законной. *BBC News русская служба*, 25/01/2014. [Peru: sterilizatsiyu bednyakov v 90-kh priznali zakonnoi. BBC News russkaya sluzhba, 25/01/2014 [Peru: the sterilization of the poor people has been declared legal]. Available at: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/01/140125_rn_peru_fujimori_cleared (accessed 13.04.2020) (In Russ.).]
18. Vergara A. The Fujimori Regime through Tocqueville's Lens: Centralism, Regime Change, and Peripheral Elites in Contemporary Peru. *Peru in History*. ed. by Drinot P. New York, Palgrave Macmillan, pp. 19-48 (DOI: 10.1057/9781137455260_1).

19. Coppedge M. Latin American Parties: Political Darwinism in the Lost Decade. Paper prepared for National Endowment for Democracy conference on "Political Parties and Democracy," November 18–19, 1996, pp. 18-29.
20. ¿Por qué la población indígena tiene mayor probabilidad de ser pobre? Blogs World Bank, 17/02/2016. Available at: <https://blogs.worldbank.org/es/opendata/por-qu-la-poblaci-n-indigena-tiene-mayor-probabilidad-de-ser-pobre> (accessed 13.04.2020).
21. El censo 2017: la pobreza tiene rostro indígena en el Perú. *El Diario Uno*, 30/07/2017. Available at: <https://diariouno.pe/columna/el-censo-2017-la-pobreza-tiene-rostro-indigena-en-el-peru/> (accessed 13.04.2020).
22. Los decretos de la Discordia. *BBC Mundo*, 08/06/2009. Available at: https://www.bbc.com/mundo/america_latina/2009/06/090606_2237_peru_decretos_rb.shtml (accessed 13.04.2020).
23. A 10 años del 'Baguazo' aún hay heridas que no cierran: Esto es lo que debes saber de la masacre. *RPP Noticias*, 05/06/2019. Available at: <https://rpp.pe/peru/historia/baguazo-todo-lo-que-debes-saber-sobre-la-masacre-y-las-heridas-que-aun-no-cierran-noticia-1127125> (accessed 13.04.2020).
24. Los pueblos indígenas del Perú: de García a Humala, la batalla continua. *The Guardian*, 06/06/2012. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2012/jun/06/peru-indigenas-garcia-humala> (accessed 13.04.2020).
25. Humala promulga la ley de consulta a los pueblos indígenas. *El País*, 08/09/2011. Available at: https://elpais.com/internacional/2011/09/08/actualidad/1315432808_850215.html (accessed 13.04.2020).
26. 10 Avances en la implementación de la consulta previa en el Perú. Presentación. Ministerio de Cultura del Perú. Available at: <http://consultaprevia.cultura.gob.pe/wp-content/uploads/2016/06/Boletin-10-avances.pdf> (accessed 13.04.2020).
27. Perú a seis años de la consulta previa. *El Gran Angular*. Available at: <http://elgranangular.com/consultapreviaperu/reportaje1/> (accessed 13.04.2020).
28. Niñez indígena, educación intercultural bilingüe en el Perú. Estadísticas recientes, preguntas (i)resueltas, tareas pendientes. Ministerio de educación del Perú. Available at: [http://repositorio.minedu.gob.pe/bitstream/handle/123456789/617/346.%20Niñez%20indígena%20y%20educación%20intercultural%20bilingüe%20en%20el%20Perú%20Estadísticas%20recientes,%20preguntas%20\(i\)resueltas%20y%20tareas%20pendientes.pdf](http://repositorio.minedu.gob.pe/bitstream/handle/123456789/617/346.%20Niñez%20indígena%20y%20educación%20intercultural%20bilingüe%20en%20el%20Perú%20Estadísticas%20recientes,%20preguntas%20(i)resueltas%20y%20tareas%20pendientes.pdf) (accessed 13.04.2020).
29. Perú tiene 26,862 escuelas de Educación Intercultural Bilingüe. *Andina*, 28/09/2018. Available at: <https://andina.pe/agencia/noticia-peru-tiene-26862-escuelas-educacion-intercultural-bilingüe-767990.aspx> (accessed 13.04.2020).
30. Trapnell L., Neira E. La EIB en el Perú. La EIB en América Latina bajo examen. Ed. by López L.E., Rojas C. Banco Mundial, GTZ, Plural, La Paz, Bolivia, 2006, pp. 253-366.
31. Apéndice 1 ¿Indígenas amazónicos en las universidades? Comentarios a propósito del Documento de Discusión N°5 "El Universo Amazónico". Available at: <http://aplicaciones.pronabec.gob.pe/CIIPRE/Content/descargas/e6.pdf> (accessed 13.04.2020).
32. Ordenanza regional favorece salud intercultural. *SERVINDI*, 18/08/2016. Available at: <https://www.servindi.org/actualidad-noticias/18/08/2016/amazonas-publican-ordenanza-regional-en-salud-intercultural-que> (accessed 13.04.2020).
33. Censos Nacionales 2007: XI de Población y VI de Vivienda. INEI. Available at: https://www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1136/libro.pdf (accessed 13.04.2020).
34. P3a+: Idioma o lengua con el que aprendió hablar. Censos Nacionales de Población y Vivienda 2017. INEI. Available at: <http://censos2017.inei.gob.pe/redatam/> (accessed 13.04.2020).
35. INEI difunde Base de Datos de los Censos Nacionales 2017 y el Perfil Sociodemográfico del Perú. Instituto Nacional de Estadística e Informática del Perú. Available at: <http://m.inei.gob.pe/prensa/noticias/inei-difunde-base-de-datos-de-los-censos-nacionales-2017-y-el-perfil-sociodemografico-del-peru-10935/> (accessed 13.04.2020).
36. Alejandro Toledo, de "cholo sano y sagrado" a expresidente sobornado. *La información*, 10/02/2017. Available at: https://www.lainformacion.com/mundo/Alejandro-Toledo-expresidente-Peru-curriculum-perfil_0_998300233.html (accessed 13.04.2020).
37. Poder Legislativo. Congreso de la República. Ley No. 27867. *El Peruano*. Available at: <https://web.archive.org/web/20041212011421/http://www.elperuano.com.pe/nl02/11/Ley%20de%20Regiones.asp> (accessed 13.04.2020).

Станислав Кретов

38. Cedillo Delgado R. Inclusión política indígena en el Perú del siglo XXI. *Apuntes Electorales: revista del instituto electoral del estado de México*, N°59/2018, pp. 9-11.

39. Misión de Observación Electoral. Informe final. Elecciones regionales y municipales. Perú, Octubre 5, 2014. Available at: <https://reformaspoliticas.org/wp-content/uploads/2019/03/Informe-MOE-OEA-Perú-Municipales-2014.pdf> (accessed 13.04.2020).

40. Proponen que haya representación de pueblos indígenas en el Congreso. *La República*, 11/07/2019. Available at: <https://larepublica.pe/politica/2019/07/12/congreso-nuevo-peru-y-frente-amplio-proponen-que-haya-representacion-de-pueblos-indigenas-en-el-parlamento/> (accessed 13.04.2020).

Stanislav Kretov (kretovstas@gmail.com)
Doctoral student at MGIMO University

Prospekt Vernadskogo 76, 119454 Moscow, Russian Federation

“Indigenous question” in Peru. Historical background and actual state of inter-ethnic dialogue

Abstract. This article offers an inquiry into the role of indigenous community in nation- and state-building processes in Peru. It argues that the concept of “miscegenation” provides the theoretical background of the ethnic politics in this Latin America country. The cultural element of this politics has been playing a decisive role in harmonizing ethnic and social relations over the last century. Moreover, it managed to prevent the radicalization of the Indigenous movement during the hard times of internal armed conflict and when the country was ruled by Alberto Fujimori’s administration.

The author deems that, despite these important achievements, sharp contradictions between Peruvian state and indigenous peoples persist. For instance – the imbalances in the social development of the indigenous and non-indigenous parts of the society or the conflicts over the mining expansion in the territories of indigenous settlements. Nevertheless, taking into account the political realities of Latin American countries (traditional dominance of creole elites, weakness of democratic institutions, authoritarian tendencies in political governance), Peru could be depicted as an example of a relatively successful integration of the indigenous peoples in social and political processes, in comparison, for example, with Guatemala, Mexico or Ecuador.

Key words: indigenous community, ethnic policy, nation building, staunch political sway of local landlords, political parties and movements, struggle for the rights, armed conflict, terrorist organizations.

DOI: 10.31857/S0044748X0011334-6

Received 08.05.2020